

Газета политическая, общественная и литературная

Сибирская Заря

Выходить из г. Иркутск ежедневно, кроме понедельников.

Рукописи авторам не подлежат переработке, изменению и сокращению. Могут
стать, замітки, дискусії, і проп. щодо обрання редакції, поширюються
у відповідності з Кримінальним кодексом України щодо шкідливості.

00000000 0000

30 Рубляе году—3 руб., пятаго—4 руб. 30
 коп., абыма—11 коп. Дыруахаста адымаса
 а а разрабату. За адымаша адымаша адымаша
 а а адымаша адымаша адымаша адымаша адымаша
 а а адымаша адымаша адымаша адымаша адымаша
 а а адымаша адымаша адымаша адымаша адымаша
 а а адымаша адымаша адымаша адымаша адымаша

Четвергъ, 19 июля 1907 года. № 106-й.

Atendendo aos dados sobre a situação epidemiológica da dengue em São Paulo, a Secretaria de Saúde recomenda:

— Кривошеина, *Кривошеина*, т. 14, с. 100 (1919).

8. Материалы (Материалы, документы, и т.д.)

0. 4. Exercises (Thema: Handwritten content analysis - Open-Article)

Ю. В. Болдыгина / Moscow, Russia, e-mail: bol@phs.ru

Levy, Jonathan (baptized). *Emigration and race*. 3 pp.

EX-1097028 **SHAW-WALKER FINGERPLASTS** - Manufacturing Process and Spec., B.

1. The following information is for your information only:

Несколько словъ объ А. П. Чеховѣ.

2-го юля исполнилось три года со дня смерти одного изъ корифеевъ нашей русской литературы, Антона Павловича Чехова.

Казалось бы, что пѣвецъ жизни, людей и смурныхъ сумерекъ русской жизни не долженъ бы быть такъ скоро забытъ обществомъ и прессой. А между тѣмъ приходится съ грустью констатировать тотъ печальный фактъ, что многія столичные газеты и ни одна изъ мѣстныхъ ни словомъ не обмолвились объ этомъ титанѣ мысли въ день его смерти. Вотъ это-то молчаніе и даетъ мнѣ смѣлость напомнить обществу о лучшемъ и вѣрномъ изобразителѣ нашей сѣрой жизни въ переходную эпоху ея упадка.

Теперь, когда вся мыслящая Россія живетъ иной жизнью, чѣмъ при Антонѣ Павловичѣ, когда чувствуется приближеніе чего-то свѣтлаго и когда сѣрая, однообразная и вудная жизнь начинаетъ выливаться въ лучшія и опредѣленныя формы, сожалѣніе о безвременной смерти поэта чувствуется все сильнее и сильнее.

Теперь уже нѣтъ Чехова, нѣтъ того обличителя общественныхъ недуговъ, обличителя мягкаго, ласковаго и даже съ любовью относившагося къ недостаткамъ... своихъ героев, которые, начиная съ самаго незначительнаго лица въ какомъ-нибудь небольшомъ рассказѣ и кончая «Тремя сестрами», куда-то стремятся, чего-то ждутъ, надеются... Но и только... Дѣйствовать они не могутъ. У нихъ есть порывы, но нѣтъ крыльевъ. Въ этомъ-то неканіи крыльевъ, которые бы могли видоизмѣнить жизнь людей, и заключается весь трагизмъ душевнаго разлада героевъ Чехова. Всѣ они чувствуютъ, что жизнь не такова, что нужно ее какъ-нибудь передрать. Но какъ ее передрать, они не знаютъ и, благодаря этому, дѣлаются нытиками по идеалу и лишними людьми. И все-таки, несмотря на то, что герои Чехова были лишними, имъ всежь была противна пошлость стадной и безличной жизни. Поэтому они все время и ищутъ новые пути.

И до 1903 года Антонъ Павловичъ не открывалъ своимъ героямъ новыхъ дорогъ, по которымъ они могли бы смѣло идти впередъ и не чувствовать себя лишними.

Но съ наступленіемъ XX столѣтія подъ вліяніемъ различныхъ социальныхъ причинъ, общественная жизнь въ Россіи принимаетъ новое направленіе; всежь становится ясно, что жизнь людей полна обмана, лжи и слишкомъ убога... И вотъ по всей Россіи раздается страстный крикъ: «дальше такъ жить нельзя!»

Антонъ Павловичъ, какъ вѣрный выразитель тѣхъ думъ и желаній, какія волновали Россію въ теченіи многихъ лѣтъ, скорѣе другихъ понималъ своей чуткой душой этотъ, давно ему знакомый вопль народа и точно же откликнулся въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ переломъ старой Россіи и въ нихъ, какъ рисовалось ему самому, указалъ новый путь, по которому должна бы была идти наша родина.

Въ концѣ 1903 года онъ оканчиваетъ свое новое произведеніе «Певѣта», а въ началѣ 1904 г. на сценѣ московско-художественнаго театра ставится его новая пьеса: «Вишневый садъ», которая и оказалась его лебединой пѣсней. И въ этихъ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ великаго гения уже ясно видно, что А. П. понималъ только-что нарождающееся движеніе общества къ созданію новыхъ формъ жизни и отреченію отъ старой.

Послѣ «Вишневаго сада» вся мыслящая Россія почувствовала, что ей нужны люди, люди дѣла, работники, а «недотепы» должны сойти съ пути и уступить дорогу этимъ новымъ, энергичнымъ и не ноющимъ людямъ...

Но я не буду долго останавливаться на «Вишневомъ садѣ», такъ какъ объ немъ много писалось въ журналахъ и газетахъ, много говорилось въ обществѣ и каждый мало-мальски интересующійся общественными явленіями человекъ, конечно, знакомъ съ «Вишневымъ садомъ» и составилъ себѣ самое представленіе о старомъ барскомъ садѣ, который является лишь символомъ нашей старой и спящей родины.

И я перейду къ предпоследнему произведенію А. П., о которомъ

знаетъ небольшой кругъ читателей, такъ какъ «Певѣта» не вошла въ полное сочиненіе Чехова и не напечатана въ декабрьской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» за 1903 годъ. Кроме того о «Певѣтѣ» единicomъ мало писали, и она прошла какъ-то незамѣтно для общества. А между тѣмъ этотъ рассказъ намъ ясно показываетъ, какая перемена произошла во взглядахъ Чехова, къ концу его жизни.

Рассказъ «Певѣта», какъ и всѣ произведенія А. П., написанъ просто и искренне. Когда вы читаете его, то чувствуете, что какъ будто сами переживаете все то, о чемъ говоритъ авторъ. Предъ вашими глазами проходитъ жизнь молодой, умной и красивой дѣвушки Нади Шуминой.

Надя съ 16 лѣтъ мечтала о замужествѣ и вотъ, когда ей исполнилось 23 года, она дѣлается певѣстой неглупаго, но десять лѣтъ уже окончившаго университета ничего не дѣлающаго, Андрея Андреевича. Надя и ея женихъ оба очень богаты: одна—дочь и внучка богатыхъ дворянъ, Андрей Андреевичъ—сынъ зажиточнаго священника. И на ихъ будущую жизнь, бездѣятельную и однообразную, не только хватило бы ихъ средствъ, но они могли бы оставить наследство и своему потомству.

Мать Нади не приспособленная къ жизни человекъ: ничего не дѣлаетъ, не имѣетъ характера, была несчастлива замужемъ, и теперь живетъ на попеченіи бабушки, которая является въ домѣ Шуминыхъ главной хозяйкой.

Когда состоялась помолвка Нади съ женихомъ, то родители обоихъ семействъ были безконечно этому рады и занялись приготовленіемъ свадьбы, которая была назначена на седьмое юля. Но передъ свадьбой, на лѣто, къ Шуминымъ пріѣзжаетъ ихъ дальній родственникъ Саша, кончившій архитектурную школу и служащій въ одной изъ московскихъ типографій. Саша—чахоточный и слабый юноша, но честный и работающій. Пріѣхавъ къ Шуминымъ, онъ замѣчаетъ, что всѣ они не живутъ, а прозябаютъ и ему становится противно жить въ ихъ домѣ и жалко Падю, которая ничего не дѣлаетъ.

«Мнѣ все здѣсь какъ-то дико съ непривычки, говорилъ онъ Падѣ. Чортъ знаетъ, никто ничего не дѣлаетъ. Мамаина цѣлый день только гуляетъ, какъ герцогиня какая-нибудь, бабушка тоже ничего не дѣлаетъ, вы—тоже. И женихъ Андрей Андреевичъ, тоже ничего не дѣлаетъ».

Надя уже слышала это нѣсколько разъ, но раньше, когда пріѣзжалъ на лѣто Саша, она не обращала вниманія на слова Саши, а теперь, за мѣсяцъ до свадьбы, они отчего-то ее заинтересовали и заставили задуматься. «но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше мѣсяца, она стала испытывать страхъ, безпокойство, какъ будто ожидало ее что-то неопредѣленное, тяжелое».

Надя не спитъ по ночамъ и долго думаетъ надъ этимъ. Она идетъ къ матери и говоритъ: «А мнѣ все эти дни такъ весело. Отчего я не сплю по ночамъ?»

— Не знаю, милая. А когда я не сплю по ночамъ, то закрываю глаза крѣпко-крѣпко, вотъ такъ, и рисую себѣ Анну Каренину, какъ она ходитъ и какъ говоритъ, или рисую что-нибудь историческое, изъ древняго міра...

Надя почувствовала, что мать ее не понимаетъ и ее не можетъ понять. Почувствовала это первый разъ въ жизни, и ей даже страшно стало, захотѣлось спрятаться; и она ушла къ себѣ въ комнату.

А Саша все чаще и чаще говорилъ Падѣ о ея бездѣятельности. «Если бы вы поѣхали учиться—говорилъ онъ. Только просвѣщенные и святыя люди интересны, только они и нужны».

Вѣдь чѣмъ больше будетъ такихъ людей, тѣмъ скорѣе настанетъ царствіе Божіе на землѣ. Отъ вашего города тогда мало-по-малу не останется камня на камнѣ, все полетитъ вверхъ дыномъ, все измѣнится, точно по волшебству. И будутъ тогда здѣсь громадные, великолѣпнѣйшія дома, чудесные сады, фантастичныя необыкновенныя, замѣчательныя люди... Но главное не это. Главное то, что толпы въ нашемъ смыслѣ, въ какомъ она есть теперь—этого зла тогда не будетъ потому что каждый человекъ будетъ вѣровать въ Бога! О, матушка Русь, какъ еще много ты носишь на себѣ праздныхъ и

живыхъ, и ни одинъ изъ нихъ не будетъ искать опоры въ толпѣ.

Милая, голубушка, поѣзжайте! Покажите всѣмъ, что эта неподвижная, сѣрая, грѣшная жизнь подошла вамъ. Покажите это хоть себѣ самой.

— Нельзя, Саша. И выхожу замужъ.

— О, полно! Кому это нужно? Вышли въ садъ, прохлѣвь немного.

— И какъ бы тамъ ни было, милая моя, надо вдуматься, надо понять, какъ нечиста, какъ безправна эта ваша праздная жизнь,—продолжалъ Саша.—Поймите же, вѣдь если, наирѣзѣ, вы и ваша мать и ваша бабушка ничего не дѣлаете, то, значитъ, за васъ работаетъ кто-то другой, вы заѣдаете чью-то чужую жизнь, а развѣ это честно, не грязно? Надя хотѣла сказать: «да, это правда», хотѣла сказать, что она понимаетъ, но слезы показались у нея на глазахъ, она вдругъ протихла, сжалась въ и ушла къ себѣ.

И чѣмъ больше говорила Надя съ своимъ родственникомъ, тѣмъ все больше и больше въ ней начинало пробуждаться сознаніе, что жизнь ее какъ-то груба, неинтересна и скучна. Ее уже не радуетъ и предстоящая свадьба, и когда она съ женихомъ осматривала свое будущее роскошное гнѣздо, Андрей Андреевичъ «держалъ ее за талию, говорилъ такъ ласково, скромно, такъ былъ счастливъ, расхаживая по этой своей квартирѣ; а она видѣла во всемъ одну пошлость, и его рука, обнимавшая ее талию, казалась ей жесткой и холодной, какъ обручъ. И каждую минуту она готова была убѣжать, зарыдать, броситься въ окно». Женихъ, какъ бы угадывая ее внутреннее состояніе, сказалъ Падѣ: «Вчера Саша, ты помнишь, упрекнулъ меня въ томъ, что я ничего не дѣлаю. Что же, онъ—правъ! Безконечно правъ! Я ничего не дѣлаю и не могу дѣлать. Дорогая моя, отчего это? Отчего такъ противна даже мысль о томъ, что я когда-нибудь нацѣплю на лобъ кокарду и пойду служить? Отчего мнѣ такъ не по себѣ, когда я вижу адвоката или учителя латинскаго языка, или члена управы? О, матушка Русь! О, матушка Русь, какъ еще много ты носишь на себѣ праздныхъ и

безполезныхъ? Какъ много на тебѣ такихъ какъ я, многострадальная!»

Послѣ этого разговора «Надя вошла въ домъ сердитая, недовольная, думая о томъ, что весь вечеръ будутъ гости, что надо занимать ихъ, утѣшаться, слушать скрипку, саунать веселый вздоръ и говорить только о свадьбѣ».

И вотъ Надя уже чувствуетъ, что въ этой обстановкѣ она не можетъ больше жить и рѣшаетъ уѣхать въ столицу. Она идетъ къ матери и говоритъ: «Мама, выслушай меня!.. Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мала и унижительно наша жизнь. У меня открылись глаза, я теперь все вижу. И что такое твой Андрей Андреевичъ? Вѣдь онъ же не умѣетъ, мама! Господи, Боже мой! Пойми, мама, онъ—глупъ!»

Но мать не поняла свою дочь и на утро Надя уже съ твердымъ рѣшеніемъ порвать все съ родными приходитъ въ Сашѣ и объявляетъ ему, что она рѣшила уѣхать изъ дома: «эта жизнь опостылѣла мнѣ»,—говорила она Сашѣ,—я не вынесу здѣсь и одного дня. Завтра же я уѣду отсюда. Возьмите меня съ собой, Бога ради! Саша исполнилъ ея просьбу и на слѣдующій же день, за недѣлю до свадьбы, уѣхалъ съ Надей. Дома сначала повозновались, потужили, повздыхали, но потомъ смирились съ дѣйствительностью и не требовали Нади изъ Петербурга, гдѣ она поступила на курсы.

Въ маѣ мѣсяцъ слѣдующаго года Надя поѣхала домой. По дорогѣ заѣхала въ Москву, гдѣ встрѣтилась съ Сашей. Но и онъ ей теперь казался «почему-то сѣрымъ, провинциальнымъ». Пріѣхавъ домой она нашла все то же и «когда Надя ѣхала съ вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими, а дома маленькими, прииспуганными; людей не было, и только истрѣлится пѣмецъ-настройщикъ въ рыжемъ пальто». Потомъ, войдя въ свою комнату, «Надя увидѣла ту же постель, тѣ же окна съ бѣлыми занавѣсками, а въ окнахъ тотъ же садъ, залитый солнцемъ, веселый, шумный. Она потрогала свой столъ, пощупала, поумала. И обѣдала хорошо, и пила чай съ вкуными, жирными сливками, по

чего-то уже не хватало, чувствовала пустоту въ комнатахъ и потолки были низки. Вечеромъ она легла спать укрылась, и почему-то было смѣшно лежать въ этой теплой, очень мягкой постели». Живя дома, Надя иногда «ходила по саду, по уднцѣ, глядя на дома, на сѣрые заборы, и ей казалось, что въ городѣ все давно состарилось, отжило и все тамъ ждетъ не то конца, не то начала чего-то молодого, свѣжаго. О, если бы скорѣе наступила эта новая, новая жизнь, когда можно будетъ прямо смѣло смотреть въ глаза своей судбѣ, сознать себя правымъ, быть веселымъ, свободнымъ. А такая жизнь рано или поздно настанетъ!»

Въ іюлѣ Надя покинула городъ,—какъ она сказала,—«всегда», съ собою взяла, что жизнь ее перевернута, впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь еще неясная, полная тайнъ, увлекала и манила ее»...

И нарочно процитировавъ нѣкоторыя слова предисловія произведенія А. П. Чехова, чтобы показать, какой произошелъ переломъ предъ смертью въ мировоззреніи писателя и какъ грустно, что онъ умеръ тогда, когда больше всего былъ нуженъ Россіи.

Послѣ смерти Ант. Павл. прошло три года. Но какіе мучительно-интересные... Сколько разъ въ минуту подъ общественною мысли или въ минуту упадка невольно вырывался одинъ тотъ же вопросъ: «Жаль, что лѣтъ Ант. Павл.» Да, если бы онъ не умеръ и дожилъ до свѣтлой и обновленной жизни, о которой онъ мечталъ всю свою жизнь, онъ бы показалъ намъ, что его прежніе лишніе люди, смѣлы и на смѣлу имъ являлись, смѣлы, энергичные и работящие. И не только онъ показывалъ намъ, что своимъ гениальнымъ порывомъ онъ не вѣрное направление въ нашу жизнь по новому руслу и научить бы насъ, какъ жить дальше.

Николай Белогородовъ.